

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ДАВЫДОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

davita5@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАИМЕНОВАНИЙ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (на материале произведений русских писателей)

Аннотация. Рассматриваются проблемы перевода на английский язык наименований реалий, выявленных в произведениях русских писателей XIX–XX веков. Анализу подвергаются четыре выделяемых лингвистами класса реалий: ономастические, этнографические, общественно-политические и географические. Особое внимание уделяется ономастическим и этнографическим как наиболее многочисленным и частотным. Исследуются основные способы перевода национально-маркированной лексики, свойственные каждому классу. Так, наиболее частотным способом передачи ономастических реалий (антропонимов, топонимов, эргонимов) является транскрибирование / транслитерация, а также калькирование и освоение, в то время как в классе этнографических реалий преимущественно используются функциональный аналог и несколько реже описательный прием и транскрибирование. При переводе лексики общественно-политических реалий превалируют приемы транскрибирования и описания, реже – функционального аналога, а географические реалии чаще переводятся на английский язык родо-видовым соответствием или описанием. Кроме того, в статье затрагиваются некоторые проблемы перевода, в частности передача говорящих имён, оценочно-экспрессивной лексики, правомерность контекстуальных замен и варианта описательного перевода (например, названий русских блюд, одежды, игр и пр.), за счет чего теряется национально-исторический колорит, а перевод общественно-политической лексики предполагается сопровождать историко-культурным комментарием. В заключение делается вывод о необходимости принимать во внимание различные факторы для создания оптимального варианта перевода, вызывающего верные эстетические и эмоциональные чувства и сохраняющего колорит страны.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, слова-реалии, ономастические реалии, этнографические реалии, общественно-политические реалии, географические реалии, транскрибирование, функциональный аналог, калькирование

Для цитирования: Давыдова Т. С. Особенности передачи наименований реалий на английский язык (на материале произведений русских писателей) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике одно из центральных мест занимает вопрос о взаимосвязи языка и культуры. Язык как универсальное средство общения выступает как память народа и его истории. Именно в языке отражается опыт этноса, его эстетические идеалы, связи с другими народами, восприятие и оценка окружающей действительности [11: 185]. Вопросы соотношения языка и культуры рассматривались в работах таких выдающихся ученых в области лингвистики, как: Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия и многих других. К основным задачам языка по праву относят отражение дей-

ствительности той или иной культуры, а также адекватную передачу слов, эквивалентов которых нет в другой культуре, так называемой безэквивалентной лексики [7: 128]. Поднимаются вопросы критериев правильности выбора языковых средств для достижения адекватности перевода, исследуется возможность принципиальной взаимопереводимости, способы и особенности передачи этого пласта лексики на язык принимающей культуры. До сих пор вызывает определенные трудности перевод таких языковых явлений, как: окказионализмы, арго, жаргонизмы и прочая сниженная лексика, фразеологические единицы, диалектизмы, термины, слова-реалии, аббревиатуры, междометия, звукоподражания, каламбуры,

иноязычные вкрапления, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и т. д.

Необходимость передачи коммуникативного значения побуждает переводчиков прибегать к различного рода переводческим преобразованиям (трансформациям), которые неизбежны в силу языковых и культурных контрастов. Сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие, – задача чрезвычайно сложная. Неслучайно К. Чуковский в своей работе «Высокое искусство. О принципах художественного перевода» писал: «...парадоксальный закон переводческой практики... чем точнее порой передаешь каждое слово переводимого текста, тем дальше от подлинника будет твой перевод» [12: 314].

Значительным пластом безэквивалентной лексики являются реалии, то есть

«слова (или словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые являются носителями национального и/или исторического колорита и не встречаются у других народов» [2: 55].

Сохранение национально-исторического колорита обеспечивает передачу культурного фона произведения, духа народа и позволяет увидеть в слове отражение материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе.

Проблеме трактовки реалий и их перевода посвящены многочисленные работы известных отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики [1], [5], [8], [10], [13], [14], [15], [16], [17], [18]. Особую популярность в последнее время получило рассмотрение заимствованных лексем с диаметрально противоположных позиций – доместикации или форенизации. Эти две основные переводческие стратегии обеспечивают как лингвистический, так и общекультурный ориентир для передачи культурной специфики исходного текста. Сохранение и донесение до читателя в адекватной оригиналу форме (то есть передача транскрибированием, транслитерацией или калькированием), а также их экспликация (комментарии, сноски) свидетельствует об избрании линии форенизации, напротив, опущение или перевод функциональным аналогом в переведяющем языке без лингвокультурных пояснений свидетельствует о доместикации [13], [18], [19].

* * *

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности передачи русских слов-реалий как важного компонента эксплицитного контекста культуры. За основу взят материал произведений русских классиков XIX–XX веков (А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского,

Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова) и их переводы на английский язык, выполненные как отечественными, так и зарубежными переводчиками (Ch. Johnston, W. Arndt, A. Rymant, M. Glenny, R. Hingly, J. Katzer, S. Monas, а также К. Фединым, Айви Литвиновой (Лоу), С. Котелянским, О. Шарце). Всего в исследуемом материале выявлено 574 примера слов-реалий.

Из различных существующих классификаций слов-реалий нам представляется целесообразным воспользоваться классификацией, составленной болгарскими учеными Сергеем Влаховым и Сидером Флориным, одной из наиболее подробных и структурированных, в основе которой лежит принцип предметного деления [2: 59–64]. Согласно этой классификации, выделяются ономастические, этнографические, общественно-политические и географические реалии.

Ономастические реалии занимают особое место и по численности, и по неоднородности состава, передают фоновую информацию о предмете иноязычной культуры и подразделяются на антропонимы, топонимы, эргонимы (названия различных заведений – магазинов, ресторанов, музеев, театров, компаний и пр.), названия произведений литературы и искусства, периодических изданий и словарей, клички животных.

При передаче ономастических реалий основным способом является транскрипция / транслитерация, что представляется вполне правомерным, поскольку механическая передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы позволяет сохранить и наиболее точно передать национально-исторический колорит. Это и передача имен (как вымышленных героев, так и реальных личностей – писателей, поэтов, деятелей искусства и культуры) – *Lenskii, Raskolnikov, Svidrigailov, Bezdomny, Korovuev, Margarita, Anfisa, Dunya, Polina, Porfiry, Ferapont, Rodion Romanovitch, Ivan Petrovitch, Boris Trigorin, Trukhina, Terentich, Fagot, Varenukha, Aloisy Mogarych, Tolstoy, Zhukovski, Delvig, Griboedov, Derzhavin, Istomin*, и географических названий – *Tambov, Tugilovo, Krasnogorie, Zhadrino, Priluchino, the Letniy Sad, Tverskaya, Okhotny Ryad, Kirsanovsky* и др. Создавая картины реальной жизни, писатели не скучились на упоминание различных географических пунктов – городов, деревень, районов, улиц, переулков, большинство из которых являются существующими.

Значительный процент освоений в английском языке обусловлен упоминанием в произведениях известных деятелей науки и искусства, например, *Shakespeare, Voltaire, Copernicus, Maupassant* и др. Освоенными являются также имена таких персонажей, как Евгений – *Eugene*, Семен – *Simon*, Яков – *Jacob*, Елена – *Helen*, Федор – *Theodore*. Освоение используется и при передаче известных

и частотных географических названий, поскольку реалии данной категории адаптируются и получают обличие другого языка – *Russia, America, Moscow, Petersburg, the Caucasus* [4].

Частотным способом передачи ономастических реалий, особенно топонимов, является калькирование (передача безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов – их прямыми лексическими соответствиями в переведном языке): Крысой – *Ratkiller*, Иван Великий – *Ivan the Great*, Летний сад – *the Summer Park*, Боробьевы горы – *Sparrow Hills*, Долина Дев – *the Valley of the Maidens*, Лысая гора – *Bald Mountain*, а также полукалькирование, при котором в переведном тексте транскрибируется или транслитерируется географическое наименование (собственное имя) и калькурируется второй компонент: Обухов переулок – *Obukhov Alley*, Никитские ворота – *Nikitskaia Gate*, Литейная улица – *Liteinaia Street*, Летний сад – *the Letny Park*, Петровский замок – *Petrovskiy Castle*, Мильонная улица – *Million Street*, Малая Бронная улица – *Malaya Bronnaya Street*, Садовое кольцо – *Sadovoye Ring* и др.

Приблизительный перевод с приемом родо-видовой замены зачастую идет вместе с характерным для английской речи компонентом обращения *Mr. / Dr.*, например: Петр Николаевич – *Mr. Sorin*, Евгений Сергеевич – *Dr. Dorn*, Борис Алексеевич – *Mr. Trigorin*, Михаил Львович – *Dr. Astrov*. В данных примерах значение уважения, реализующееся в русском языке за счет обращения по имени и отчеству, сохраняется, но передается элементами англоязычной культуры. Примерами контекстуального перевода являются нарицательные обращения: Жан – *my boy*, Олюшка – *dearie*, Андрюша – *dear*, передающие наиболее значимое экспрессивное значение. Приемы контекстуальной замены и приблизительного перевода топонимов тоже встречаются не часто, например, «в Финляндии» передается в одном случае *near Petersburg*, а город Чита передается описанием и частично генерализацией как *the far side of Siberia*. Следует отметить, что описательный прием перевода хотя и понятен читателю, отличается громоздкостью и утратой колорита, его процентное соотношение для перевода ономастических реалий незначительное и используется, как правило, при переводе эргонимов: Чебуречная – *Crimean Restaurant*.

Существует ряд проблем, связанных с передачей имен собственных в художественном тексте. Прежде всего это проблема передачи говорящих имен, являющихся семантически значимыми и выполняющих характерологическую функцию в тексте. Это, например, у А. С. Пушкина гости Татьяны Лариной – Пустяков, Гвоздин, Скотинины,

Петушков, Буянов, Флянов, у А. П. Чехова – Очумелов, Хрюкин, Пришибеев. Каждое из этих имен вызывает у нас определенный ряд ассоциаций, однако все без исключения переводчики сохраняют элемент национальной принадлежности и прибегают к способу транскрипции или транслитерации: *Pustyakov, Gvozdin, the Skotinins, Petushkov, Buyanov, Flyanov, Ochumelov, Hruklin, Prishibeev*, упуская тем самым замысел автора, его субъективное отношение, языковую игру. Представляется, что читатель обогатил бы свое восприятие образа, если при переводе использовались бы такие имена, как *Trifle, Bash, Brute, Rooster* и др.

Одной из проблем, с которыми сталкиваются переводчики, является передача ласкательно-уменьшительных, уничижительных или увеличительных значений, выраженных суффиксами субъективной оценки (Кузька, Настенька, Терешка, Дунька, Аннушка, Аркasha, Васенька, Васек). В отличие от русского английский язык вообще не имеет диминутивных форм как регулярной семантической и словообразовательной категории [9: 174]. Опущение диминутивности при переводе ведет к недопустимому искажению коннотации, эмоционального характера коммуникации и, как следствие, искажению авторского замысла. Например, булгаковская Зинуша передается в переводах как *Zina* или *Zina my dear*. В первом случае опускается диминутив, во втором случае добавляется эмотивное и оценочное прилагательное *dear*, подчеркивающее теплое и уважительное отношение профессора Преображенского к своей служанке [6: 435]. А Зинка у Шарикова передается просто как *Zina*, в результате чего опускается такая черта этой номинации, как пренебрежительное отношение к людям. Все же наиболее часто имена с субъективными суффиксами передаются на английский язык с помощью транскрибирования / транслитерирования: *Akulka, Annyshka, Arkasha, Andrushka, Lizanka, Nastenka, Olinka, Petenka, Vasyuk, Vasenka*. Случай замены Ольньки на Ольгу (*Olga*), Петруши на Петра (*Pieter*), Леночки на Елену (*Helen*), Машеньки на Машу (*Masha*) не являются достаточно удачными, так как стирают коннотацию более близких, теплых отношений, выражения симпатии. В этом случае, на наш взгляд, лучше подошли бы варианты *dear Helen, dear Masha*.

Не всегда оправданными являются в вариантах перевода контекстуальные замены. Например, переводчик вместо имен Алина и Ваня вводит *Nancy* и *Larry*, пренебрегая тем самым передачей национального колорита этих популярных для своего времени имен. Неправомерным представляется и использование имени *Pauline* вместо введенных в текст А. С. Пушкиным Акульки и Селины, за счет чего происходит

подмена образов и искажается смысл реалии. Недопустимым считаем и опущение отчества при передаче имен представителей высшего общества, в результате чего складывается неверное представление о социальном положении (например, *Pelageya, Pelya* вместо Пелагеи Николаевны).

Вторую по численности группу в исследуемых произведениях составляют этнографические реалии. Это преимущественно слова быта: наименования пищи, напитков, одежды, жилья, утвари, мебели, бытовых заведений, транспорта, а также слова, представляющие искусство и культуру, церковные реалии, праздники, игры, меры и деньги. Для передачи реалий этой группы преобладающими приемами являются функциональный аналог, реже – транскрибирование и описание.

В группе «Одежда» содержится национально-маркированная лексика, среди которой большое количество историзмов, таких как лапти, тулул, кафтан, зипун, плахта, кунтуш, жупан и пр. Реалия «лапти» (крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу) в английском переводе предстает как *slippers*. Данный функциональный аналог не только не сохраняет национальный колорит, но и искажает действительность, поскольку *slippers* – как правило, обувь без задника. В других вариантах перевода реалия «лапти» передается описательно – *bast sandals*, *bast shoes*, что, по-видимому, следует признать более удачным, так как основная сема данного наименования раскрывается («обувь, сплетенная из бересты»), хотя понимание того, что обувь эту носили крестьяне, остается за пределами перевода. Реалии «армяк» (кафтан из толстого сукна) и «тулул» передаются в большинстве случаев на английский язык с помощью функционального аналога с родо-видовой заменой *overcoat* или *coat*. Несмотря на то что слова совпадают по функциональным свойствам, в переводе не учитываются их внешние характеристики (национальная принадлежность и материал), следовательно, перевод нельзя признать эквивалентным. В данном случае следовало бы использовать описательный, комментированный перевод, который зарегистрирован в словаре (*armiak – peasant's coat of heavy cloth*). Украинская мужская верхняя одежда «кобеняк с видлогой» (плащ с капюшоном), упоминаемая в повестях Н. В. Гоголя, переводится на английский язык с помощью описательного выражения *wide cloak and hood* с потерей предназначения этого вида одежды, который надевался зимой в плохую погоду поверх кожуха. Стоит отметить, что английское *cloak* подразумевает собой плащ без рукавов, что соответствует характеристике кобеняка в оригинале, адекватность перевода тем самым сохраняется. Не совсем правомерным представляется пере-

вод русского слова «шуба» с помощью английского *coat*, поскольку в данном случае упускается из виду то, что это была верхняя зимняя одежда из меха или на меху, как правило, удлиненная и просторная с тем, чтобы ее можно было надеть поверх кафтаны или зипуна, в то время как английское *coat* обозначает «пальто», «куртка», «мундир», «пиджак» или «плащ». Акцент на материал вообще не делается.

Реалия «трактир» (недорогая столовая с посадкой вина, закусок для приезжих, для широкой публики; первоначально гостиница с рестораном) в английском переводе представлена аналогом *hotel* (гостиница), лишенным, на наш взгляд, национального колорита. Реалия «хата», чаще всего ассоциирующаяся с русской избой, в воображении многих людей рождает образ жилья, принадлежащего либо крестьянину, либо не особо состоятельному человеку (в словарной статье В. И. Даля предлагается определение «изба, халупа»). Такое представление о хате идет вразрез с его переводом на английский: *cottage – a small house, especially in the country* (Oxford Advanced Learner's Dictionary). Подобранный вариант перевода в англоязычной версии повести Н. В. Гоголя не является эквивалентным оригиналу по своей функциональности и выступает, скорее, примером родо-видовой замены [3: 199]. Нельзя полностью согласиться и с вариантом перевода слова «баня» как *bathhouse* (дословно «дом для помывки»), поскольку в данном случае абсолютно не раскрыта специфика русской бани – наличие печи, пары, веников и прочих атрибутов, то есть англоговорящий читатель не получает представления о национальном бытовом заведении, которым в русской культуре является баня. Транскрибированный вариант с комментарием, сохраняющий национальный колорит, на наш взгляд, дал бы более полное представление о данной реалии.

Интересный для анализа материал представляется и группа названий транспорта, в которой многие слова ушли вместе с породившим их бытом, появились наименования, обозначающие новые явления, а некоторые слова и обороты изменили значение. Не всем читателям понятны без дополнительных комментариев такие реалии, как тройка, кибитка, дрожки, ямщик, извозчик, облучок, козлы и пр. Кибитка переводится на английский язык как *kibitka*, дрожки – *droshky*, бричка – *britska* или *britzka*, то есть используется прием транскрибирования, а для тройки выявлены два варианта передачи – описательно с потерей коннотативного значения *teams of horses* или *three horses* и транскрибированный вариант *troika*. Отметим, что сохранившее национальный колорит слово *troika* встречается в переводах Н. В. Гоголя не случайно, оно передает читателю определенную символичность

и силу образа. Со временем вариант *troika* приобретает метафорическую трактовку в значении «группа, состоящая из трех людей, стран и т. д.». Так, в национальном корпусе английского языка существует 39 примеров значения этого слова, из них лишь одно подразумевает лошадиную упряжь. Остальные относятся преимущественно к области политически-ориентированных текстов и обозначают группу из трех человек или стран.

Реалии, связанные с традиционными кушаньями и кухней народа, пожалуй, как никакие другие отражают национальный и историко-культурный колорит, так как именно с этой группой связано большое количество традиций, обрядов, обычаев. В подавляющем большинстве случаев переводчики пользуются приемом описательного перевода, предлагая читателю более или менее широкий комментарий к использованным эквивалентам. Слово «уха» представлена в переводах как *fish soup*, «блинцы» – как *pancakes*, «щи» – *cabbage soup* (наряду с транскрибированным вариантом *shchi*), «борщ» – *beet soup* (встречается также и транскрибированный *borsch*), «селянка» – *broth with vinegar*. Последний вариант нельзя признать удачным, так как он существенно изменяет значение. Селянка (как и современное солянка) – это «густой суп из рыбы и мяса с острыми приправами», а использованное в тексте перевода существительное *broth* объясняется словарями как *thin soup made from unclarified meat or fish* (то есть бульон). В данном случае, видимо, правильнее было бы воспользоваться транскрипцией и прокомментировать данную реалию. При передаче такой реалии, как «наливка», переводчики тоже прибегают к описательному способу: *fruit liqueur* или *homemade brandy*, используя при этом замену реалии реалией. Аналогично передается на английский язык реалия «яблочная вода» – *applejack*, что в действительности соответствует «яблочной водке». Нам представляется, что более верным вариантом перевода реалий всей данной лексико-семантической группы наименований блюд и напитков было бы транскрибирование с комментированием, что преимущественно и выдерживается на современном этапе развития переведоведения.

Названия предметов обихода и домашней утвари, церковных ритуалов, обычаев, праздников, мер, денежных единиц также в изобилии представлены в исследуемых литературных источниках. Все они отражают уклад описываемого времени, передают национально-исторический колорит и требуют особого внимания и осторожности при переводе. Неслучайно самым частотным вариантом их перевода является транскрибирование: копейка – *kopek*, рубль или центовый – *ruble*, самовар – *samovar*, баян – *bayan*, молитва – *molitva*, обедня – *obednya*, вер-

ста – *verst*, аршин – *arshin*, сажень – *sazhen* и пр. Интересным примером данной группы является, на наш взгляд, реалия «тетрадь расходов», то есть тетрадь или книга, в которой управляющим или самим помещиком велся учет прихода и расхода денежных сумм в имении. На английский язык передается она либо калькой – *notebook of expenses*, что дает читателю общее представление о реалии, либо описательно как *book of household*, что раскрывает дополнительную семантическую информацию. Перевод реалии «ухват» тоже представляется интересным, так как в английском языке не находится адекватного и полного эквивалента для перевода и передачи значения данного слова. В одном случае предлагается вариант *poker*, что в русском языке значит «кочерга» и затрудняет понимание, в другом случае – переводческий неологизм *oven fork* в большей степени передает семантику слова чуждой культуры, подчеркивая форму приспособления в виде двух рогов на длинной рукояти. Национально-маркированная единица «горелки», представляющая популярную игру, основу которой составляли догонялки, тоже вызывает определенные трудности при переводе. Зарегистрированы два варианта родо-видового соответствия с генерализацией – *play* и *game* и описательный прием – *tag-game*, в большей степени раскрывающий семантику данной реалии. Ни один из предложенных вариантов не передает национальный колорит данной единицы. Картчная игра в «дурочка» тоже не находит адекватного варианта перевода, поскольку предложенным вариантом *Tomfools*, *game of cards*, *Sixty-six* не удается полностью передать семантику вида игры, ее правила, тем самым лишая рассматриваемую реалию национального и культурного компонента.

Третий по количеству зарегистрированных единиц класс общественно-политических реалий вбирает в себя названия административно-территориального устройства, чинов, титулов, званий. Это такие слова, как: «волость» – *volost*, «уезд» – *uyezd* или *district*, «губерния» – *gubernia*, «слободка» – *big village*, «родовое поместье» – *family estate*, «управа» – *Municipal Council*, «городовой» – *policeman*, «капитан-исправник» – *captain of police*, «полицмейстер» – *police superintendent*, «околоточный» – *police-sergeant*, «десятский» – *village councilor*, «титулярный советник» – *titular councilor*, «тайный советник» – *privy councilor*, «сотник» – *sotnik*, «чиновник» – *clerk*, «столональчаник» – *head clerk*, «дьяк» – *deacon*, «сановник» – *high official*, «господин» – *master*, «помещик» – *landowner* или *landlord* и многие другие. При переводе лексики данного класса превалирует использование приемов транскрибирования и описательного перевода, реже – функционального

аналога. Реалии этой группы целесообразно сопровождать историко-культурным комментарием, поскольку многие из них могут быть неизвестны, непонятны читателю и затруднить процесс межкультурной коммуникации.

Класс географических слов-реалий представлен в исследуемых произведениях единицами: «роща», которая переводится на английский язык как *wood*, «дубрава» – *park* (родо-видовое соответствие с использованием трансформации генерализации), выявлен также случай описательного приема последнего наименования – *oak grove*, прием перевода описания использован и при передаче таких реалий, как «нива» – *grainfield* или *cornfield*, «огород» – *kitchen garden*. Приемом транскрибирования передается реалия «степь» – *steppe*, что не всегда может быть понятно читателю и требует дополнительного описания типа *dense marshy forest in Siberia*.

ВЫВОДЫ

В работе рассмотрены только основные тенденции, частотные способы перевода реалий. Существует, конечно, множество окказиональ-

ных, единичных вариантов перевода, обусловленных интенцией переводчика. Анализ примеров подтвердил тот факт, что перевод реалий в художественном тексте – одна из чрезвычайно сложных переводческих проблем, при решении которой следует принимать во внимание множество разнообразных факторов. Перед переводчиком стоит задача создания такого варианта переводного текста, который бы порождал у иноязычного читателя такие реакции и эстетические чувства, которые были бы близки к реакциям и чувствам, вызываемым оригинальным текстом у носителя языка, необходимо донести до него не только содержание, но и национальный колорит, принадлежность к определенной культуре. Именно поэтому следует искать оптимальные способы передачи данных лексических единиц, и переводчики зачастую предпочитают жертвовать эквивалентностью в пользу адекватного переноса смысла. Этот факт позволяет лишний раз убедиться в истинности суждения Н. В. Гоголя о необходимости иногда «отходить от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2004. 224 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 415 с.
3. Давыдова Т. С. К вопросу о переводе безэквивалентной лексики на английский язык // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Международного научного симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 198–201.
4. Давыдова Т. С. Особенности передачи ономастических реалий на английский язык // Межкультурное пространство: лингвистические и дидактические аспекты: Материалы научно-практич. онлайн-конф. с междунар. участием. Петрозаводск: ПетГУ, 2021. (В печати).
5. Казакова Т. А. Практические вопросы перевода. М.: Союз, 2001. 159 с.
6. Кленкова А. М., Пастухова Е. Н. Русские диминутивы в английских переводах романа М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Междунар. науч. симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 434–437.
7. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: ACADEMA, 2003. 192 с.
8. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. 263 с.
9. Менькова Н. В. Русские диминутивы в английском переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 174–179.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Филология Три, 2002. 348 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
12. Чуковский К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М.: Искусство, 1964. 355 с.
13. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4. С. 202–207.
14. Baker M. A. Coursebook on translation. London: St. Jerome Publishing, 1992. 320 p.
15. Klaudy K. Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation. Budapest: Scholastica, 2003. 343 p.
16. Newmark P. Approaches to translation. London: Oxford University Press, 1988. 125 p.
17. Nida E. A. Contexts in translating. Amsterdam and Philadelphia, 2001. 125 p.
18. Venuti L. The translator's invisibility. London; New York, 1995. 368 p.
19. Yang W. Brief study in domestication and foreignization in translation // Journal of Language Teaching and Research. 2010. Vol. 1 (1). P. 77–80.

Поступила в редакцию: 15.01.2021; принята к публикации: 26.02.2021

Original article

Tatyana S. Davidova, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
davita5@yandex.ru

SOME PECULIARITIES OF TRANSLATING RUSSIAN REALIA INTO THE ENGLISH LANGUAGE (analyzing the works of Russian writers)

A b s t r a c t. The article addresses the problem of translating Russian culture-specific realia found in the works of Russian writers of the XIX and the XX centuries into the English language. Four large classes of realia are analyzed: onomastic, ethnographic, socio-political, and geographical ones. Special attention is paid to the first two classes – onomastic and ethnographic realia – as the largest and most frequently used ones. Typical techniques of translating each class of nation-specific vocabulary are investigated. Thus, the most frequent way of translating onomastic realia (anthroponyms, toponyms, ergonyms) is transcription or transliteration, and less often – loan translation and mastering (familiarization), while functional analogue and less frequently used description and transcription are generally utilized for translating ethnographic realities. The first-choice techniques for translating socio-political realia are transcription, description and (less often) functional analogue, while geographical realities are typically translated through description or generalization. The article also touches upon such translation issues as “speaking” names (charactonyms), expressive and evaluative vocabulary, relevancy of certain cases of context substitution and some variants of description of the names of Russian national dishes, garments, games, etc., when the words often lose their national flavor. It is also suggested to provide historical and cultural comments for certain socio-political vocabulary. In conclusion it is emphasized that various factors should be taken into account in order to create a proper variant of translation that would evoke the right emotional and esthetic feelings and preserve the national identity of the text.

Key words: non-equivalent vocabulary, realia, onomastic realia, ethnographic realia, socio-political realia, geographical realia, transcribing, transcription, functional analogue, loan translation

For citation: Davidova, T. S. Some peculiarities of translating Russian realia into the English language (analyzing the works of Russian writers). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599

REFERENCES

1. Vinogradov, V. S. Introduction into translatology (general and lexical issues). Moscow, 2004. 224 p. (In Russ.)
2. Vlahov, S., Florin, S. The untranslated in translation. Moscow, 1980. 415 p. (In Russ.)
3. Davidova, T. S. Translation of non-equivalent vocabulary into the English language. *Proceedings of the II International Research Symposium “Translation in the Changing World”*. Moscow, 2016. P. 198–201. (In Russ.)
4. Davidova, T. S. Peculiarities of translating onomastic realia into the English language. *Proceedings of International Research and Practice Online Conference “Cross-Cultural Space: Linguistic and Didactic Aspects”*. Petrozavodsk, 2021. (In print). (In Russ.)
5. Kazakova, T. A. Practical issues of translation. Moscow, 2001. 159 p. (In Russ.)
6. Klenkova, A. M., Pastukhova, E. N. Russian diminutives in English translations of M. A. Bulgakov’s novel *The Heart of a Dog*. *Proceedings of the II International Research Symposium “Translation in the Changing World”*. Moscow, 2016. P. 434–437. (In Russ.)
7. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. Translation: theory, practice and methods of teaching. Moscow, 2003. 192 p. (In Russ.)
8. Levitskaya, T. R., Fiterman, A. M. Theory and practice of translation from English into Russian. Moscow, 1963. 263 p. (In Russ.)
9. Men’kova, N. V. Russian diminutives in the English translation of M. A. Bulgakov’s Novel *The Master and Margarita*. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;3:174–179. (In Russ.)
10. Fedorov, A. V. Foundations of the general theory of translation. Moscow, 2002. 348 p. (In Russ.)
11. Sapir, E. Selected Writings in language, culture and personality. Moscow, 1993. 656 p. (In Russ.)
12. Chukovskiy, K. High art. The principles of literary translation. Moscow, 1964. 355 p. (In Russ.)
13. Shelestuk, E. V., Gritsenko, E. D. Foreignization/domestication in translation and their linguistic evaluation. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2016;4:202–207. (In Russ.)
14. Baker, M. A. Coursebook on translation. London, 1992. 320 p.
15. Klaudy, K. Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation. Budapest, 2003. 343 p.
16. Newmark, P. Approaches to translation. London, 1988. 125 p.
17. Nida, E. A. Contexts in translating. Amsterdam and Philadelphia, 2001. 125 p.
18. Venuti, L. The translator’s invisibility. London, New York, 1995. 368 p.
19. Yang, W. Brief study in domestication and foreignization in translation. *Journal of Language Teaching and Research*. 2010;1(1):77–80.

Received: 15 January, 2021; accepted: 26 February, 2021